

Каринский Михаил Иванович

**Разногласие в школе нового
эмпиризма по вопросу об истинах
самоочевидных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Иванович К.**
Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных / Каринский
Михаил Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 569 с.

ISBN 978-5-519-88433-4

ISBN 978-5-519-88433-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ.

А) Общая характеристика взгляда новаго эмпиризма на истины самоочевидныя.

Вопросъ о самоочевидныхъ истинахъ съ точки зрѣнія эмпиризма распадается на три вопроса: 1) о правѣ самоочевидныхъ истинъ считаться умозрительнымъ знаніемъ, 2) о происхожденіи въ непосредственномъ сознаніи вѣры въ самоочевидныя истины и 3) о достовѣрности этихъ истинъ.

1.

Локкъ рѣшительно настаивалъ на той мысли, что все наши представленія и понятія или, какъ онъ называлъ ихъ, идеи заимствуются изъ нашихъ воспріятій, частью вѣшняго, частью внутренняго. По отъ вопроса о происхожденіи идей Локкъ отчетливо отличалъ вопросъ о происхожденіи самаго знанія, т. е. сужденій, въ которыхъ (сверхъ бытія предметовъ, соотвѣтствующихъ идеямъ) устанавливаются различныя связи и отношенія непосредственно между идеями, а чрезъ нихъ и между предметами, соотвѣтствующими идеямъ. Но онъ думалъ, что хотя для знанія необходимы идеи, а поэтому необходимы и соотвѣтствующія воспріятія, изъ которыхъ единственно могутъ быть получаемы идеи, но для того, чтобы устанавливать сужденія, т. е. усматривать связи между идеями, нѣтъ необходимости въ воспріятіи наблюдать ту связь или отношеніе между предметами, которая должна утверждаться въ сужденіи. Нѣкоторыя связи или отношенія между идеями могутъ, по его взгляду, прямо быть усмотрѣны нашею мыслью путемъ разсмотрѣнія самыхъ идей, чрезъ чисто умственный актъ со-

поставленія и сличенія другъ съ другомъ ихъ содержанія; и это возможно не только при выводномъ знаніи, т. е. при такомъ убѣжденіи въ сужденіяхъ, при которомъ истинность сужденія усматривается изъ другихъ, сужденій, ранѣе признанныхъ истинными, но и при знаніи непосредственномъ, при которомъ мы не нуждаемся въ ссылкѣ на какія бы то ни было другія сужденія ¹⁾). Въ послѣднемъ случаѣ мы, очевидно, будемъ имѣть, по Локку, самоочевидную истину.

Лейбницъ не раздѣлялъ ученія Локка о происхожденіи идей. Но онъ намѣчаетъ такую точку зрѣнія для объясненія умозрительнаго знанія, которая могла имѣть значеніе и для философа, который принималъ бы ученіе Локка о происхожденіи идей. Локкъ не давалъ точнаго понятія о томъ процессѣ непосредственнаго усмотрѣнія связей между идеями, которымъ устанавливаются самоочевидныя истины; а безъ этого нельзя было, конечно, отчетливо уяснить себѣ научное значеніе этого процесса. Лейбницъ смотритъ на умозрительное знаніе какъ на знаніе аналитическое, основанное на законѣ противорѣчія. Тотъ процессъ непосредственнаго усмотрѣнія мыслью на самыхъ идеяхъ различныхъ связей и отношеній между ними, который Локкъ не пытался опредѣлить точнѣе, превращался у Лейбница въ процессъ аналитическій, въ процессъ извлеченія сказуемаго изъ самаго понятія подлежащаго. То содержаніе, которое въ умозрительномъ сужденіи прилагается въ сказуемомъ подлежащему, предполагается, по этой теоріи, уже заранѣе заключавшимся въ подлежащемъ, только темно, неотчетливо; а поэтому приписаніе его подлежащему какъ простое уясненіе того, что всегда составляло неизбѣжную принадлежность понятія подлежащаго, не нуждается ни въ какой ссылкѣ на вѣшную дѣйствительность. Гдѣ этотъ процессъ не сложенъ, т. е. гдѣ извлеченіе изъ понятія того или другого свойства его или отношенія не требуетъ, въ качествѣ предшествующаго звена, извлеченія изъ него какихъ-либо другихъ свойствъ или отношеній, тамъ мы будемъ имѣть, конечно, самоочевидную истину.

Такъ открывалась, повидимому, возможность установить такое понятіе о процессѣ убѣжденія въ самоочевидныхъ истинахъ и вообще объ умозрительномъ знаніи, которое дѣлало вполне прозрачнымъ для мысли его значеніе. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и получалась возможность отдѣлить дѣйствительное умозрительное знаніе отъ су-

¹⁾ См. мою статью „Учебники логики М. М. Троицкаго“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г. июнь, стр. 487—488.

ждений, которыя ошибочно могли считаться за такое знаніе, то тотчасъ же и возникъ вопросъ, дѣйствительно ли это понятіе объ умозрѣніи приложимо ко всему тому, что считалось доселѣ умозрительнымъ.

Юмъ, который въ ученіи о происхожденіи идей въ сущности раздѣлялъ взглядъ Локка, нашелъ, что, ни въ какихъ представленіяхъ нашихъ о фактахъ которыя были бы несогласны съ какими угодно общими сужденіями о дѣйствительныхъ предметахъ, за исключеніемъ сужденій математическихъ ¹⁾, нѣтъ противорѣчій и такія представленія такъ же легко и опредѣленно могутъ быть составлены нами, какъ если бы они вполне согласовались съ дѣйствительностью ²⁾. Отсюда онъ вывелъ, что никакія общія сужденія о дѣйствительныхъ предметахъ, кромѣ сужденій математическихъ, не основываются на умозрѣніи. Такъ вѣра во всю совокупность общихъ истинъ, за исключеніемъ истинъ математическихъ, превращалась въ простой результатъ вліянія частныхъ фактовъ на сознаніе.

Но затѣмъ совершился фактъ, который грозилъ поставить въ вопросъ все, что было приобрѣтено эмпиризмомъ чрезъ философію Юма. Кантъ разъяснялъ, что не только анализируемые Юмомъ законы причинной послѣдовательности явленій, но и законы математики также не аналитичны, и, слѣдовательно, представленіе, несогласное съ ними, если бы оно было возможно, такъ же мало заключало бы въ себѣ противорѣчіе, какъ и представленіе о порядкѣ событій, не согласномъ съ самымъ очевиднымъ изъ законовъ причинной связи. Однако вмѣсто того, чтобы на этомъ основаніи распространить эмпиристическіе выводы Юма и на математику, Кантъ пришелъ совсѣмъ къ другому выводу. Опираясь между прочимъ на тотъ фактъ, что математическія сужденія до такой степени поражаютъ непосредственное сознаніе своею независимую отъ опыта очевидностью, что даже такой рѣшительный и послѣдовательный противникъ догматизма, какимъ былъ Юмъ, не сомнѣвался въ ихъ умозрительномъ характерѣ, Кантъ вывелъ отсюда, что ошибочно было бы умозрительное знаніе ограничивать знаніемъ аналитическимъ. Но если это такъ, то отрицать право и не математическихъ сужденій считаться умозрительными за то только,

¹⁾ Математическія сужденія въ качествѣ сужденій объ отношеніяхъ Юмъ отличалъ отъ всѣхъ другихъ, относящихся къ нашему знанію сужденій какъ сужденій о фактахъ.

²⁾ *D. Hume. Essays and Treatises on sev. subj. Vol. II. A new Edit. London, 1784.*

что они не опираются исключительно на законъ противорѣчія, оказывалось уже невозможнымъ. Такимъ образомъ допущеніе Юмомъ умозрительнаго характера математическаго знанія оказалось въ аргументаціи Канта добавочнымъ доводомъ въ пользу признаннаго Кантомъ права расширить умозрительное знаніе далѣе предѣловъ математики, т. е. оно содѣйствовало разрушенію всего, что, казалось, было прочно приобрѣтено Юмовой философіей въ пользу эмпиризма.

Ближайшій результатъ этого для эмпиризма былъ ясенъ. Кто не находилъ основанийъ вмѣстѣ съ Кантомъ признать возможность синтетическихъ сужденій а priori, тотъ долженъ былъ мысль о происхожденіи вѣры въ общія сужденія изъ вліянія на сознаніе частныхъ фактовъ проводить далѣе, чѣмъ это дѣлалъ Юмъ; онъ долженъ былъ изъ этого же вліянія объяснять и происхожденіе вѣры въ математическія сужденія. Оба авторитетнѣйшіе представители новаго эмпиризма, Милль и Спенсеръ, идутъ этимъ путемъ; оба они признаютъ математику въ ея послѣднихъ посылкахъ, въ ея самоочевидныхъ истинахъ за простой результатъ данныхъ въ воспріятіи связей и отношеній предметовъ.

Но урокъ, извлеченный эмпиризмомъ изъ удара, который нанесенъ былъ Кантомъ Юмовой философіи, этимъ не ограничивался. Если эмпиризмъ не хотѣлъ быть вторично пойманнымъ въ неосторожномъ признаніи за умозрительное знаніе такихъ положеній, достовѣрность которыхъ не усматривается непосредственно изъ самаго ихъ содержанія то ему было совершенно естественно съ крайнею подозрительностью относиться ко всякому сужденію, претендующему на аналитическую очевидность.

Метафизика была выброшена за бортъ уже Юмомъ. Какъ скоро относительно науки, издавна считавшейся за образецъ умозрительнаго знанія, математики, Кантомъ было установлено, что она синтетична то вопросъ объ аналитическомъ знаніи, на сколько онъ касался наукъ, изучавшаго дѣйствительное бытіе, былъ исчерпанъ. И если не ставить вопроса объ этикѣ, съ которой теперь мы не имѣемъ дѣла, то оставалась еще не затронутой только наука о самомъ познаніи, логика, формулы которой, подобно положеніямъ математики, поражали своєю очевидностью и, конечно, имѣли притязаніе на чисто аналитическій характеръ. Было обстоятельство, которое ставило логическія формулы вывода въ особую связь съ математическими аксіомами и заставляло представителей эмпиризма провести и на логикѣ тотъ взглядъ, который примѣнялся теперь къ математикѣ. У многихъ фи-

лософовъ новаго времени, начиная съ Бэкона, проглядывало сознаніе той аналогіи, какую имѣютъ нѣкоторыя математическія аксіомы, всего яснѣе аксіома о равенствѣ между собой двухъ величинъ, равныхъ одной и той же третьей, съ силлогистическими формулами выводовъ ¹⁾. Въ позднѣйшее время сознаніе этой аналогіи все глубже и глубже проникло логическія изслѣдованія и повело даже къ попыткамъ, сколько возможно, тѣснѣе сблизить логическія формулы выводовъ съ этими математическими аксіомами, даже передѣлывать общую теорію вывода по выводамъ, соответствующимъ этимъ аксіомамъ. Хотя подобныя взгляды далеко не всегда попадали на настоящую дорогу, тѣмъ не менѣе они все болѣе и болѣе дѣлали очевиднымъ близкое родство силлогистическихъ формулъ съ нѣкоторыми математическими аксіомами по ихъ содержанію и по ихъ значенію въ выводныхъ процессахъ. А такъ какъ, принимая синтетическій характеръ математическихъ аксіомъ и опытное происхожденіе вѣры въ нихъ, представители эмпиризма не различали между ними такихъ, которыя прямо служатъ посылками выводовъ, отъ такихъ, которыя сродны силлогическимъ формуламъ и сами имѣютъ значеніе формулъ вывода, то простая послѣдовательность побуждала переносить на логическія формулы выводовъ тѣ взгляды, къ которымъ приходили въ отношеніи къ математическимъ аксіомамъ.

Спенсеръ прямо указываетъ на родство, которое подмѣчалось между силлогистическими формулами и разнообразными математическими аксіомами, точно такъ же какъ и между процессами выводовъ, совершающихся на основаніи логическихъ формулъ выводовъ, съ одной стороны и процессами, соответствующими математическимъ аксіомамъ, съ другой, и видитъ въ этомъ рѣшительное основаніе для того, чтобы придавать одно и то же значеніе и одинъ и тотъ же характеръ достоверности формуламъ и аксіомамъ. Соответственно особому взгляду своему на познавательный процессъ онъ въ тѣхъ и другихъ видитъ не формулы выводовъ, а законы объективнаго бытія, которые, конечно, должны устанавливаться въ сознаніи однимъ и тѣмъ же путемъ. „Какъ скоро допущено, говоритъ Спенсеръ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло съ отношеніями, которыя разсматриваются какъ существующія объективно, и что въ послѣдней инстанціи онъ про-

¹⁾ Эта аналогія есть результатъ того, что эти аксіомы на самомъ дѣлѣ суть особыя формулы выводовъ, примѣняемыя только къ предметамъ, съ которыми имѣетъ дѣло математика, какъ показано въ моей „Классификаціи выводовъ“.

вѣряетъ свои заключенія, относящіяся къ необходимымъ взаимно-зависимостямъ этихъ объективныхъ отношеній, чрезъ апелляцію къ дѣйствительному воспріятію, то необходимо допустить, что и эта форма математическаго анализа (—дѣло идетъ о попыткѣ Буля свести всѣ выводы къ математическимъ процессамъ—), на которую можетъ быть сведена логика, дѣлаетъ то же самое¹⁾.

Милль вопроса о происхожденіи логическихъ формулъ вывода въ своей Логикѣ не затрогивалъ, а по нѣкоторымъ выраженіямъ, допущеннымъ имъ здѣсь, можно было предполагать даже, что онъ придаетъ имъ особый характеръ достовѣрности, болѣе принудительный, чѣмъ аксіомамъ математики, которыя онъ ясно и рѣшительно возводитъ къ опыту. Однако на возраженіе, которое ему сдѣлано было по этому поводу Спенсеромъ, онъ поспѣшилъ заявить, что онъ не держится приписываемаго ему Спенсеромъ мнѣнія, и объяснилъ недоуразумѣніе простою допущенною имъ неточностью выраженій²⁾. Такимъ образомъ и въ этомъ расширеніи значенія опыта на логическія формулы выводовъ оба мыслителя идутъ рука объ руку.

Но стремленіе объяснять вѣру въ общія сужденія вліяніемъ на сознаніе частныхъ фактовъ не ограничивается въ новомъ эмпиризмѣ и отрицаніемъ умозрительнаго характера логическихъ формулъ вывода. На возведеніе логическихъ формулъ выводовъ къ опыту можно смотрѣть какъ не превращеніе ихъ изъ аналитическихъ сужденій въ синтетическія, хотя Спенсеръ и не задается цѣлью доказать, что въ нихъ сказуемое не содержится въ понятіи подлежащаго. Но новый эмпиризмъ идетъ на встрѣчу болѣе радикальной переменѣ взгляда на умозрѣніе. Онъ стремится къ отрицанію умозрительнаго характера даже и за аналитическими сужденіями. Умозрительная достовѣрность аналитическихъ сужденій вообще какъ у Канта, такъ еще и у Лейбница, отриралась, какъ извѣстно, на логическій законъ противорѣчія. Убѣжденіе наше въ достовѣрности этого закона Милль хочетъ поставить въ зависимость отъ вліянія на сознаніе фактовъ воспріятія. Онъ говоритъ³⁾: я „признаю его (этотъ законъ,) какъ и

¹⁾ *H. Spencer. The Principles of Psychology. 2 ed. London — Edinburgh. 1870—1872. Vol. II, p. 89. См. также ibid. 426. Русскій переводъ: Основанія психологіи Спенсера. С.-Пб. 1876, т. III, стр. 93—94. См. также т. IV, стр. 124.*

²⁾ *J. S. Mill. A System of Logic ratiocinative and inductive. Edit 7. London. 1868. Vol. 1, p. 301. Русскій переводъ: Милль. Система Логикъ. Изданіе 2-е 1878. Т. I, стр. 300.*

³⁾ *Mill. Syst. of Log. I. 307—308; p. пер. I. 305—306.*

другія аксіомы, однимъ изъ нашихъ первыхъ и самыхъ привычныхъ обобщеній изъ опыта. Первичнымъ основаніемъ этого обобщенія я считаю положеніе, что вѣрованіе и невѣріе суть два различныхъ духовныхъ состоянія, изъ которыхъ одно исключаетъ другое. Это мы знаемъ изъ простѣйшаго наблюденія нашего собственнаго духа. И перенеся наше наблюденіе во внѣ, мы находимъ, что свѣтъ и темнота, звукъ и безмолвіе, движеніе и покой, равенство и неравенство, предшествованіе и слѣдованіе, одновременность и послѣдовательность, какое либо положительное явленіе и его отрицательное суть явленія разные, которыя рѣзко противоположны и изъ которыхъ одно всегда отсутствуетъ тамъ, гдѣ другое присутствуетъ. Обсуждаемую аксіому я признаю обобщеніемъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ¹⁾. Ту же самую мысль выражаетъ Спенсеръ непосредственно въ примѣненіи къ такъ называемому закону исключеннаго третьяго или средняго, но выражаетъ ее такъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ то же думаетъ и о законѣ противорѣчія¹⁾. Изъ одного этого объясненія происхожденія вѣры въ законъ противорѣчія изъ наблюденія фактовъ внутренней жизни и внѣшней природы, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы самый этотъ законъ вовсе не признавался представителями новаго эмпиризма за законъ умственной дѣятельности человѣка. Дѣло идетъ о законѣ не внѣшней дѣйствительности, а нашей собственной мысли. И философу, который утверждаетъ, что мы узнаемъ о немъ и убѣждаемся въ немъ чрезъ наблюденіе надъ жизнью нашего сознанія (и явленіями внѣшняго бытія), ничто не мѣшаетъ въ то же время признавать этотъ законъ роковымъ закономъ нашей умственной дѣятельности, фактически принудительно господствующимъ надъ нею внѣ всякой зависимости отъ нашихъ наблюденій надъ нею и отъ возникновенія въ сознаніи понятія объ этомъ законѣ и вѣры въ него. По признанью, что эта вѣра въ законъ противорѣчія опирается исключительно на факты опыта, это во всякомъ случаѣ значитъ признать, что сужденіе, въ которомъ выражается этотъ законъ, не можетъ быть оправдано изъ самаго его содержанія, т. е. что истинность его не можетъ быть непосредственно усмотрѣна мыслью изъ самыхъ понятій, входящихъ въ него. Если же теперь принимается, что это сужденіе есть общая формула всѣхъ аналитическихъ сужденій, то утверждать, что эта формула основывается на опытѣ, это значитъ признать, что убѣжденіе въ аналитическихъ сужденіяхъ, хотя бы оно и зависѣло

¹⁾ *Spencer, Princ. of Psych.* II. 423—425; p. пер. IV. 121—123.

отъ свойствъ нашего ума, въ себѣ самомъ не имѣетъ гарантіи своей истинности, а получаетъ эту гарантію лишь потому, что факты опыта постоянно подтверждаютъ истинность такихъ (аналитическихъ) сужденій. Такимъ образомъ новый эмпиризмъ не только отрицаетъ умозрительный синтезъ, но высказываетъ такіе взгляды, которые прямо ведутъ къ отрицанію и за аналитическими сужденіями права называться умозрительными истинами и къ признанію, что ихъ достовѣрность можетъ основываться лишь на подтвержденіи ихъ опытомъ.

Впрочемъ представители современнаго эмпиризма не только объясняютъ вліяніемъ опыта нашу вѣру въ сужденія, въ которыхъ выражаются законы мысли, но они склонны этимъ же путемъ объяснять и самую необходимость для мышленія подчиняться этимъ законамъ, т. е. склонны признать эти законы не въ собственномъ смыслѣ законами мысли, а простыми ся навыками, образовавшимися подъ вліяніемъ фактовъ опыта. Милль выражаетъ эту мысль не аподиктически, а проблематически. Въ виду того, что положенія, которыя считались за положенія необходимо мыслимы, не оказывались такими въ послѣдствіи, онъ отказывается произнести рѣшительное сужденіе и относительно такъ называемыхъ основныхъ законовъ мысли (законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго средняго), относятся ли они къ самой конституціи мысли или имѣютъ опытное происхожденіе. Онъ рѣшается утверждать только, что изъ всѣхъ положеній они имѣли бы сравнительно наибольшее право быть признанными за относящіеся къ самой конституціи мысли ¹⁾. Спенсеръ, не упоминая прямо о законахъ мысли, высказывается несравненно болѣе рѣшительно о логическихъ положеніяхъ вообще, подъ которыми, нужно думать, подразумѣваются и такъ называемые законы мысли: „положенія логики, говоритъ онъ, выражаютъ прежде всего необходимыя зависимости между вещами, а не необходимыя зависимости между мыслями; и на сколько они выражаютъ необходимыя зависимости между мыслями, они дѣлаютъ это непосредственно, они дѣлаютъ это лишь по столько, по сколько зависимости между мыслями вытѣплены соотвѣтственно зависимостямъ между вещами“ ²⁾. Подъ вытѣпленностью соотвѣтственно зависимостямъ между вещами Спенсеръ разумѣетъ форму психической жизни, образующуюся подъ вліяніемъ опыта.

¹⁾ *Mill. An Examination of Hamiltons Philosophy. London. 1865. p. 417—418. Сл. p. 67.*

²⁾ *Spencer. Princ. of. Psych. II. 90—91; p. пер. IV. 95.*

У Милля намѣчается еще и другой взглядъ на аналитическія сужденія, также лишаящій ихъ всякаго умозрительнаго характера, но совсѣмъ на другомъ основаніи. Говоря о предложеніяхъ, въ которыхъ свойства, соозначаемыя сказуемымъ, суть часть тѣхъ свойствъ, которыя соозначаются подлежащимъ, т. е. о сужденіяхъ, по терминологіи Канта, аналитическихъ, Милль замѣчаетъ, что „они суть или опредѣленія или части опредѣленій“ ¹⁾. Но въ той главѣ своей Логикѣ, въ которой онъ излагаетъ свое ученіе объ опредѣленіи, Милль говоритъ: „по самому простому и наиболѣе правильному понятію объ опредѣленіи оно есть предложеніе, высказывающее смыслъ слова, именно либо смыслъ, соединяемый съ словомъ въ обыкновенномъ его употребленіи, либо смыслъ, который намѣренъ придавать ему говорящій или пишущій ради особыхъ цѣлей своей рѣчи“ ²⁾. Но если это такъ, то я не знаю, какимъ образомъ можно бы было избѣжать вывода, что сужденія, называемыя аналитическими, на самомъ дѣлѣ суть сужденія синтетическія. Часть аналитическихъ сужденій, именно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ тотъ или другой авторъ самостоятельно устанавливаетъ новое значеніе за опредѣленнымъ терминомъ, какъ понятно само собою, окажутся даже не сужденіями въ смыслѣ утвержденій или отрицаній какой-нибудь мысли, а простыми заявленіями рѣшимости употреблять извѣстный терминъ въ извѣстномъ значеніи. Всѣ остальные аналитическія сужденія, разъясняющія общеустановившійся смыслъ терминовъ, окажутся совершенно такими же синтетическими сужденіями, каковы сужденія, обыкновенно называемыя синтетическими. Они будутъ различаться отъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что въ то время какъ въ послѣднихъ субъектомъ служатъ предметы, характеризуемые извѣстными признаками, подразумѣваемыми подъ терминомъ подлежащаго, а предикатомъ какое-нибудь другое свойство, подразумѣваемое подъ терминомъ сказуемаго, въ такъ называемыхъ аналитическихъ сужденіяхъ субъектомъ будетъ служить извѣстное слово или терминъ, а предикатъ будетъ содержать въ себѣ разъясненіе тѣхъ свойствъ, которыя при обычномъ употребленіи этого термина соединяются съ нимъ въ представленіи. Или, если угодно, можно разъяснить смыслъ второй части аналитическихъ сужденій такъ: субъектомъ будутъ служить въ нихъ предметы, для которыхъ обычнымъ наименованіемъ въ общей практикѣ служитъ опредѣленное

¹⁾ *Mill. Exam. of Ham. Phil.* 359.

²⁾ *Mill. Syst. of Log.* I. 148; р. пер. I. 152.

слово или терминъ, а предикатомъ тѣ свойства этихъ предметовъ, представленіе о которыхъ общее сознаніе соединяетъ съ этимъ терминомъ. Опреѣленное слово и смыслъ, съ нимъ соединяемый,—это, конечно, двѣ вещи, совершенно различныя. Мы могли научиться соединять съ словами тотъ смыслъ, который соединяютъ съ ними наши соотечественники, лишь изъ опыта, изъ частыхъ одновременныхъ появленій въ нашемъ воспріятіи опредѣленныхъ словъ и предметовъ, отличающихся опредѣленными свойствами. И если возникаетъ вопросъ или недоумѣніе относительно (если выразиться терминологіей Милля) соозначеніе слова, т. е. относительно тѣхъ свойствъ предметовъ, которыя имѣются въ виду при обыкновенномъ употребленіи этого слова, то разрѣшеніе этого вопроса, которое и окажется аналитическимъ сужденіемъ въ миллевомъ смыслѣ, должно въ концѣ концовъ, конечно, опираться на воспоминаемыхъ нами или вновь наблюдаемыхъ разнообразныхъ случаяхъ его употребленія. Если бы Милль отчетливо разъяснилъ все это и при этомъ отчетливо доказалъ, что всѣ сужденія, которыя не подходятъ подъ его понятіе объ опредѣленіяхъ, но которыя также называются аналитическими, суть сужденія синтетическія уже въ обычномъ употребленіи этого термина, то это, по моему мнѣнію, было бы крупнымъ шагомъ впередъ въ теоріи знанія. Но ничего этого у Милля не находимъ, и не видно даже, что онъ сознаетъ, что признаніе аналитическихъ сужденій опредѣленіями въ его смыслѣ есть отнесеніе ихъ къ сужденіямъ синтетическимъ особаго только класса.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у обоихъ авторитетнѣйшихъ представителей новаго эмпиризма, въ различіе отъ Юма, вліяніемъ частныхъ фактовъ на сознаніе объясняется не только вѣра въ математическія истины, но и вѣра въ логическія формулы выводовъ, и у обоихъ является положительный наклонъ отрицать существованіе какой бы то ни было очевидности, которая претендовала бы на иное происхожденіе.

2.

Самоочевидныя истины въ нашемъ непосредственномъ сознаніи внушаютъ невольную вѣру къ себѣ. Когда эта самоочевидность разъяснялась какъ возможность чисто умозрительнаго усмотрѣнія истиннаго сужденія изъ самого содержанія входящихъ въ него представленій, тогда эта невольная вѣра въ сужденіе не требовала ни-